

Антон Алексеев

ПАРК

АНТОН АЛЕЕВ

Парк

«Издательские решения»

Алеев А.

Парк / А. Алеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930362-2

Почти детективная история расследования жестокого убийства девушки. Все детали необычной головоломки скрупулезно, элемент за элементом, собираются в пазл из кусочков прошлого, настоящего и будущего главных героев. Окунувшись в загадочную мистическую атмосферу происходящего, читателю придется вместе с самыми разными персонажами пройти этот извилистый путь по запутанным тропам. И, быть может, отыскать свои ответы.

ISBN 978-5-44-930362-2

© Алеев А.

© Издательские решения

Содержание

Глава Нулевая	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	20
Глава 10	21
Глава 11	22
Глава 12	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Парк

АНТОН АЛЕЕВ

© Антон Алеев, 2018

ISBN 978-5-4493-0362-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ОТ АВТОРА

Ну вот. Здравствуйте, коллеги. Во всех нормальных книгах пояснения положено писать в конце. И если у читателя появляются вопросы во время прочтения, он бывает очень благодарным, если автор растолкует ему потом то, что, возможно, было завуалировано в тексте книги. Некоторые, очень сложные для восприятия произведения даже содержат специальные главы с подсказками. И если читатель очень пытливый, то с их помощью он всегда может докопаться в итоге до истины. Я поступлю с вами по-другому. На правах автора я, напротив, открою все подсказки прямо сейчас, в этом самом вступлении, чтобы дать вам несколько логических ключей перед прочтением основной части.

Что ещё нужно сказать перед тем, как вы приступите к изучению этой крайне запутанной истории? Ну, наверное, то, что она очень правдива. Я сам лично был знаком как минимум с двумя героями этой повести, поэтому обо всех событиях, потрясших в своё время мой родной Заречинск, я знаю не понаслышке. Разумеется, имена всех персонажей были мной изменены.

Признаюсь – существует ненулевая вероятность, что даже с помощью подсказок вам станет в итоге не всё понятно. Не расстраивайтесь, это не самая тривиальная детективная история. Однако, автор совершенно уверен, что в тексте есть ответы на абсолютно все вопросы и сложить правильный пазл теоретически возможно. Точно так же, как возможно поставить на вершину конус. Теоретически. Впрочем, хватит занимать вас пространными рассуждениями о посторонних вещах, ниже я предлагаю вашему вниманию пять подсказок, вот они:

1. Нумерация глав не соответствует хронологии
2. Ментальный двойник в истории не один
3. Время для разных участников истории бежит по-разному
4. Отец нерожденного ребёнка вовсе не тот
5. В тексте есть один вымышленный персонаж, но он не оказывает существенного влияния на происходящее, а служит лишь для связности повествования

Приятного чтения!

*«...Гораздо интереснее не знать
за каким кустом прячется кролик,
чем вести себя так, словно тебе
всё давным-давно известно...»*

*Карлос Кастанеда
Колесо времени*

Глава Нулевая

НЕМНОГО НАПОМИНАЮЩАЯ ПРОЛОГ

Она сидела на невысоком стульчике, рассеяно проводя расчёской по длинным, до плеч, русым волосам. На её лице застыло задумчивое выражение. В глазах читалось одухотворённость и возвышенность.

Завтра наступал самый лучший день в её жизни. Да-да, она и в самом деле была в этом уверена. День обещал принести ей много радости. Много подарков. Много признаний в любви. Много всего. День Рождения. Особенное. Ведь оно будет первым в её жизни. В том смысле, что первым шестым. Первым и единственным. Ещё лучшим.

Она взяла с подоконника овальное зеркальце с длинной ручкой и, отведя руку, продолжила расчёсывать волосы, любуясь на своё отражение. Отражение ей нравилось. Возможно, она ещё не понимала, почему. Просто, по-детски непосредственно, любовалась собой.

Зеркальце, а с ним и отражение чуть-чуть подрагивало, потому что слабой руке девочки было тяжело держать его на вытянутой руке. Зазеркалье пульсировало, в такт тоненькой голубой жилке на её белой шее. Она смотрела.

Девочка в отражении, как ей показалось – нет, не подмигнула – лишь чуть приспустила левое веко. Тогда настоящая девочка звонко ойкнула, быстро опустила зеркало отражением вниз, к коленям и счастливо рассмеялась. Это показалось ей таким забавным!

Глава 1

АНТОН

Вы знаете, у меня ведь есть свой собственный Карло.

Но не папа Карло, а обычный уродливый карлик с фиолетовыми глазами.

И на самом деле тут нет ничего смешного. Потому что вчера он опять приходил. Мразотно отсвечивая болезненно розовым светом. Колыхался, как приторное желе. Я пытаюсь вспомнить – когда точно это было. До того, как я отключился или после. Или ещё позже.

Он молчал. Стоял тихо в сторонке, возле угла комнаты и молчал. Как будто виновато даже. Косил, сволочь, выпуклым глазом, как конь. Кривое полуметровое создание с морщинистой старушечьей кожей. С прыщами и бородавками по всему лицу. С ярко-фиолетовыми зрачками глаз.

Я ждал, что он скажет, зачем пришёл. Объяснит, почему он не желает оставить меня в покое. Или хотя бы захихикает скрипучим смехом. Но он молчал.

Может быть, потому что у меня вчера был День Рождения. Может, потому, что я всё-таки надрался, а может быть, потому, что последний раз он приходил, когда я стоял на крыше и раздумывал об асфальте.

Нет-нет, я уже давно его не пугался. Я почти привык. Потому что давно вырос из тех лет, когда при одном виде входящих ко мне в комнату монстров заворачивался в одеяло, как в спасение. Визжал и плакал. Это тогда страх опутывал меня, обездвигивал до обморока. А сейчас нет.

Странность его появления была в том, что карлик, с тех пор как поселился у меня, всегда разговаривал. При каждом явлении Карлы народу. А вчера вот промолчал.

В мой День Рождения.

В начале торжества всё было вполне пристойно – мы вдвоём с Ксаной накрыли стол. Не богато, но достаточно изыскано. Была даже утка по-пекински. Ну и всё остальное, не помню уже что точно. А-ля фуршет. Распаковали бутылочку вина, этого, как его? Красного. Были даже гости – Эжен Васильевич притащил в подарок никому не нужный портсигар с гравировкой, а тётя Глаша бойко говорила тосты в моё здоровье. Они пробыли недолго, зато долго прощались, лживо сетуя на большую занятость. И даже после этого какое-то время я ещё держался. Хотя уже цедил украдкой обычную водку и начал огрызаться на Ксану. Она ушла, когда стемнело. Это я ещё помню, хотя и смутно. А потом уже началась зебра. В том смысле, что тут помню – тут не помню. Потом темнота, потом этот клоун Карло. Или наоборот?

Мне даже почудилось, что Ксана вернулась.

Но я не уверен.

Нужно было уже выходить, а я никак не мог найти ключи от квартиры. Уныло слоняясь из комнаты на кухню и обратно, я шарил взглядом по сторонам, словно искал стальную растяжку противопехотной мины. Сквозь оконный тюль снаружи просачивалось светлая серость разгорающегося дня, подгоняя меня в путь.

Чёрт, чёрт, поиграл и хватит, сказал я вслух, надеясь, что тот и вправду отдаст мне ключи. Но чуда не происходило. Я в седьмой раз ощупал все доступные карманы.

Пробормотав вполголоса – трудности, они только укрепляют любовь – я вышел в прихожую, надел ботинки и, отворив входную дверь, оказался на площадке. Потом вернулся, нацарапал на клочке бумаги несколько строк, и снова вышел из квартиры, теперь уже окончательно.

В конце концов, у Ксаны был ключ, а замок захлопывался автоматически. А медлить дальше было невыносимо. Хотя я никуда не опаздывал.

Глава 2

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Следователь был раздражён. Он то и дело хмурился, невнятно бормотал, взглядывал исподлобья. И ходил. Туда-сюда. И снова.

Оксана Сергеевна сидела на краешке дивана, с тревогой наблюдая за этими перемещениями.

– Вы мне голову-то не морочьте, – сказал Следователь.

Ксана только пожала плечами.

– Да, это банальность, но банальность фактическая! Нет тела – нет дела, – Следователь остановился, пристально, по-киношному посмотрел девушке в глаза.

– Антона надо искать, – тихо сказала Ксана, достойно выдержав этот взгляд.

– У меня дел, – Следователь провёл пальцем по шее. – Во! А его нет всего лишь четыре дня. Я же не сыщик, в конце концов! Это ещё не повод. Он давно не отвечает на звонки?

– У него нет мобильного! И никогда не было! Я его знаю, с ним что-то случилось. Я знаю!

– А я нет! – Следователь стал запальчивым. – Я знаю лишь одно – люди уходят от любовниц и пропадают месяцами. А потом находят сами! И никто не уговаривает знакомых, но насмерть загруженных следователей заниматься их розысками!

– Я не любовница, – Ксана сверкнула глазами.

– А кто же?

– Я... я – друг.

Следователь вдруг развеселился, скорчил ухмылку.

– Друг. Конечно. Друг. Джеймс Друг... У него такое бывало раньше?

Ксана замешкалась с ответом. Следователь понимающе кивнул.

– Бывало, – призналась Ксана. – Но... это было не так. Он никогда не уходил больше чем на одну ночь.

Следователь только скептически усмехнулся.

– Вы пробовали его искать, я надеюсь, у общих знакомых там, у других женщин?

– У женщин?..

– Да или нет?

– Пробовала. А знакомых... У него нет почти знакомых. Маша сказала, что не видела его уже давно. Арина в больнице... Послушайте, почему вы спрашиваете совсем не о том?

– Ну-ну... Насколько я знаю, у него есть бывшая жена?

– Есть, но...

– Довольно приметная девушка.

– Да, у неё шрам на лице. С детства, вы не подумайте!

– Я ничего не думаю.

– Хорошо. Только он к ней не пойдёт никогда. Это я знаю точно.

– Всё вы знаете, как я посмотрю. Причём точно. Зачем тогда я?... Других записок не было?

– Других?

– Что всё-таки значит эти три слова в записке?

– Он пишет записки иногда, когда... пропадает. Они бессмысленные и странные. Я не понимаю. И тут тоже. Я не знаю, что это значит... Честное слово.

– Хотя бы, какой Парк имеется в виду?

Ксана снова беспомощно пожала плечами.

Следователь смотрел на жёлтый клочок бумаги с оторванным краем.

Там было написано – «Парк. Если её».

Глава 3

МАРИЯ

Добрый волшебник ведь иногда может быть злым.

Мария вертела в руках визитку и размышляла о случайностях. Кафе было почти безлюдно. Час обеда офисов ещё не наступил, поэтому только стайка голодных студентов нарушала её уединённость.

Мария не могла отстраниться от чувства ужасной банальщины происходящего. Героиня какого-то третьесортного сериала с тупыми репликами никудышных актёров. Спущенное колесо её «Матисса». Добровольный помощник на чёрно-лакированном джипе. Это кафе с угощением чашечкой кофе.

«Да, Вы очень милы». «Спасибо, Вы тоже». «Что если нам встретиться ещё?». «М-мм. Почему бы и нет?». «Отлично». «Спасибо». «Спасибо».

Пластмасса какая-то...

Иннервация флирта.

Мария бросила визитку с «коммерческим директором» в сумочку, сделала заключительный полуглоток кофе из чашки.

Накануне Арине стало совсем плохо. В ее глазах читалась отчаянно невыносимая боль. Раньше у нее не было такого безнадежного взгляда. Она же всегда была боец. Она боролась. Так было раньше. Но когда раньше? Тысячу лет назад?

Что я могу сделать для неё теперь? – спросила себя Мария. – Что?

Кроме участия, непонятных слов успокоения, ненужных трат?

Вдруг её охватило страшное раздражение, даже злость. Опять всё то же самое! Заколдованный порочный круг! Эта женщина всегда ломает мне жизнь, подумала она. Если не так, то по-другому. Всегда случается история, которая откусывает кусок моей судьбы и выплевывает его на помойку.

Мы уже взрослые. Обе.

Кто я?

Типичный менеджер в юбке. Беспольный сотрудник на работе. Лишь слегка отягощённый стилем деловой женщины. С холодным взглядом, в строгом классическом костюме. И без мужика.

Первым делом карьера. Возможность купить в свою съёмную квартиру дорогие шторы. Прийти на фуршет в вечернем платье.

Мираж независимости.

Мария порывисто встала, с почти неуловимой завистью глянула на беззаботных студентов и вышла из кафе.

Её Дэу Матисс (роскошный подарок одного толстого господина Г. – итог бурного, двухгодичной давности романчика) отсвечивал на солнце сиреневым. Она села на водительское сиденье, уронила голову на руль, расплескав на него вьющиеся волосы соломенного цвета. И подумала, что Арина, может быть, скоро умрёт.

Глава 4

АРИНА

Вы знаете, как это – когда небо давит? Нет, я не хочу услышать в ответ что-то вроде: «Нет! Конечно, нет! Что это? А как?» С осколком удивления и даже некоторой зависти. Я уверена, что многие прошли и не через такую боль. Но то, что знаю я – я знаю не понаслышке.

Крик, который вы можете слышать, когда небо давит, тут, в общем-то, не причём. Он живёт как бы отдельно от сферы, он – только рефлекс на привходящее обстоятельство. Но его нельзя игнорировать полностью. Он режет. Изнутри. Особенно, когда понимаешь, что этот крик твой.

Почему-то мне вспоминаются картинки из детства. Иногда совсем не весёлые, а даже напротив – безрадостные и грустные. Я хочу вспоминать о счастье. Так, чтобы перед самым криком видеть лучистую радугу и себя. Чтобы тёплый воздух наполнял разум, и я могла осознавать это, как осознают во взрослом мире.

Но вижу неказистую девочку на берегу реки. Камешек, неуклюже брошенный в неторопливые волны. Песок, струящийся сквозь тоненькие пальцы.

Меня мучают эти видения, больше чем крик, больше чем бело-розовый потолок палаты, больше чем кто-либо.

В сущности, каждый из нас идёт к своей смерти. Как может. Кто-то очень долго и медленно, кто-то легко и бессмысленно. Каждый по-своему. Я – так.

Жалею только... Нет, слово «жалею» – неправильное, плохое. Мне странно, что такие мысли посещают меня только сейчас. Я хочу сказать, в последнее время.

Какие?

Вот, послушайте глупую бабу. Давайте, давайте, даже если вам совсем не интересно, вы обязаны сделать надлежащий вид, чтобы приободрить больную. Потерпите немного, зато потом с чувством выполненного долга пойдёте по своим делам. А я останусь здесь.

Слушайте:

Про бесконечность вселенной. Как это? Когда парадоксальное пространство конечно, но одновременно бескрайне. Или наоборот? Вот о чём я часто думаю и злюсь, потому что никак не могу это представить. А когда мне кажется, что представить смогла, меня накрывает ощущение грандиозного иллюзиона. Я оборачиваюсь в безвоздушном пространстве, как космонавт, отстёгнутый от страховочного фала. Мне необходимо уцепиться за что-то осязаемое руками, но пальцы не гнутся.

Мимо проносятся тусклые от движения штрихи, превратившиеся в пёструю смазанную ленту, словно лес за окном летящего на всех парах поезда. От этого мутит. Но одновременно я понимаю, что нельзя замедлять ход. Стоит расслабиться, отлипнуть от вагонного стекла и картинка исчезнет. Состав докатится по инерции и остановится уже навсегда.

Сколько там этих самых стадий принятия? [1] Пять, ведь? Да, я читала, когда точно знала, что они мне не пригодятся. Потому что мы ведь собираемся жить вечно. Было забавно. И отстранённо, словно смотришь кино.

«Отрицание»? Ну, какое отрицание, когда всё уже понятно. Даже мне. «Гнев», «Торги»? Мой гнев подавила боль, а торговаться я никогда не умела. Мне нечего было предложить взамен. Я шла по дороге как красивая кукла, а зрители бросали мне под ноги розы. Правда, иногда эти розы были с шипами. «Депрессия»? Нет, не согласна. Если бы я была на этой стадии, то молчала бы себе в тряпочку, погрузившись в тихий омут самобичевания. Остаётся «Принятие»? Но... Это ведь глупость, я же вот перед вами излагаю умные мысли. Получается, я застряла где-то между стадий. Заблудилась в пяти психологических соснах.

Я устала. У меня плаксивое настроение. Надоело. Хочу, чтобы вы все ушли.
Уйдите.
Расскажу в следующий раз.
Песок не удержать между пальцев.

Глава 5

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

Ещё не так давно у него даже было обычное имя. Только что с того? Всё, происходящее «до», происходило с совершенно другим человеком. А прозрение обезличило его, прилепив суконный тюремный ярлык. Так он стал Подозреваемым. Теперь уже на всю оставшуюся жизнь. Он совершенно отчётливо это осознавал. И не было ни страха, ни обиды, одна только неимоверная усталость.

Итак, Подозреваемый сидел на привинченном к полу стуле с видом человека, которому многое, если не всё, надоело. Лишь его руки, живущие отдельно от остального тела, словно бы искали место успокоения: Подозреваемый то гладил себя по коленкам, то начинал нервно барабанить по ним подушечками пальцев.

Его собеседник стоял по другую сторону стола. Нависал глыбой.

– Так с какой целью вы пришли в больницу? – повторил Следователь.

Подозреваемый не пошевелился. И сказал так, будто его губы не двигались.

– Это было необходимо.

– Необходимо для чего? – подхватил следователь. – Или для кого?

– Для всех, потому что я знал. Так будет, – подозреваемый говорил монотонно, как испорченный робот. – Спасение не приходит просто так, его нужно заслужить.

Следователь едва не сорвался на крик, полагая, что подследственный над ним попросту издевается, но в последний момент сдержался.

– Вы вообще понимаете, что с вами произошло? – спросил он. – Вы отдаёте себе отчёт, что вас будут судить по одной из самых тяжких статей и что вы, скорее всего, никогда больше не выйдете на свободу? Вы ведь не сумасшедший! Вы хотите таким казаться, но вы ведь понимаете! Вы же, чёрт побери, не идиот! Вы ведь прекрасно знаете, что через пару дней вас станут сворачивать в жгут, и никто вам не даст уколиться! Не прилетит никакого волшебника на голубом вертолёте! А приду я! Я! Вместо этого грёбанного волшебника! – Следователь всё-таки не выдержал и начал кричать. – Я приду! И сделаю с тобой такое, что ты мне выложишь то, чего даже не знаешь! Это если по-плохому, но можно – ещё пока можно! – и по-хорошему! Понимаешь, к чему я клоню?!

Потом Следователь ждал почти минуту, надеясь услышать ответ. Но была только усталость. И молчание.

– Как хотите, – наконец бросил Следователь и сел на стул напротив. Он стал писать протокол, видя в буквах объяснение медсестры больницы, когда она немного пришла в себя.

«Он вошёл как-то странно, – говорила она, облизывая от волнения сухие губы. – Мне сразу показалось это неестественным. Я стояла у справочной конторки и поначалу глянула мельком... Потом я увидела красное... У него были до локтя закатаны рукава рубашки и всё до них было перепачкано... этим... Он пошёл прямо на меня, протягивая ко мне, то что держал в вытянутых перед собой руках... я увидела какую-то массу, какое-то мясо. С него сочилась кровь... Свежая... Он сказал – это надо передать обязательно, немедленно! Нет, не громко – спокойно говорил. Когда я поняла, что он протягивает мне, я... крикнула... закричала... Потом мы позвонили вам... Он всё твердил, что надо обязательно передать. Передать, пока не поздно!»

– Вас будут судить, – сказал Следователь. – И обязательно осудят.

– Это не столь важно, – тихо ответил Подозреваемый. – Теперь не важно.

Глава 6

АНТОН

Я решил поехать до Парка на общественном транспорте. Такси ловить не хотелось, потому что в нём трудно сосредоточиться. А мне необходимо было подумать. Сопоставить факты. Когда ты стоишь на задней площадке троллейбуса, чуть касаясь лбом стекла, а за окном неспешно плывут унылые осенние деревья и покосившиеся детали городского пейзажа, можно рассуждать о чём угодно.

Подошла синяя «тройка», воинственно покачивая длинными «рогами».

Хорошо. Без пересадок, подумал я.

И вспрыгнул на подножку. Нет, я, конечно, видел, как это всё происходит в кино. В детективах. Если судить по фильмам, ничего сложного в профессии сыщика нет. Обязательно отыщется какая-то важная деталь, которую поначалу никто не заметил. Она и поможет в изобличении преступника. А если не будет детали, то необходимую для расследования информацию даст сногшибательная блондинка с большим бюстом. Она ведь только и мечтает, чтобы выложить всё симпатичному детективу вроде меня.

Для начала я решил, что осмотр места происшествия обязателен. Без этого не обойтись. Поэтому я сейчас и ехал на троллейбусе. Только вот точного места преступления я не знал. А Парк был достаточно большой. Если брать в расчёт старые заброшенные аллеи, он был растянут на несколько километров, постепенно переходя в самой дальней своей части в лесной массив.

Но других вариантов у меня не было. Я надеялся на счастливый случай. Мне казалось, что там, внутри периметра, события пойдут своим чередом и рано или поздно лукавые тропинки выведут меня к просветлению. Своим появлением я нарушу хрупкий гомеостазис Парка, запущу неведомые механизмы, и шестерни судьбы с неохотным скрежетом сдвинутся с места.

Кондуктор спит, сладко склонив голову на спинку сиденья. Вот же счастливый человек!

Так. Ещё одна остановка.

К чему мне готовиться? Что я знаю про это дело?

То, что она там была. И там её и убили. А была она там только лишь для того, чтобы с кем-то встретиться. Кто этот человек? Почему им понадобилась встречаться в старом заброшенном Парке? Их обязательно должны были там видеть, если даже не вместе, то порознь. Мне нужно лишь отыскать свидетеля, тогда дело сдвинется с мёртвой точки.

Всё просто.

Зашипели двери, выпуская из троллейбусного нутра страждущих пассажиров. Я тоже вышел на промозглый воздух.

Люди торопились, они расходились в разные стороны, скорчив серьёзные и озабоченные лица. Каждый был сам по себе, никто не смотрел по сторонам. Они точно знали, что им предстоит сделать. Очень быстро я оказался на остановке в одиночестве.

Ещё какое-то время я стоял и смотрел вслед уезжающему синему троллейбусу. Смотрел, пока его корма с табличкой «3» не скрылась в сером мареве. Мне чудилось, что одновременно с этим уходит какая-то невидимая отметка судьбы. Получается разрыв, тонкая линия, которая отделяет текущее неспешное течение жизни. Делает невозможным повторение. Отсекает.

До входа в Парк было недалеко, метров двести по аллее вдоль старинного решётчатого забора с бетонными колоннами через каждые пятьдесят шагов. Я иногда останавливался, запрокидывал голову и смотрел в небо, которое двигалось. Но иногда можно было представить, что напротив – оно неподвижно – а двигаешься ты. Мимо закопчённых неправильной формы

осенних облаков. От этого мутило, но это было как сигарета с похмелья. Хотелось, несмотря на боль.

Это был старый Парк. Даже не так – самый старый Парк. Когда-то он был центральным. С воздушными шарами, эскимо и грустным медведем в клетке. Потом построили более современный. Потом ещё один. И ещё. Город постепенно переезжал в другую сторону, забывая про это недоразумение на окраине. И Парк тоже забывал про Город. Они стали не нужны друг другу.

Я вышел на маленькую площадь возле центрального входа. Надо мной нависла арка в виде скульптурной композиции с выбеленными временем и уже плохо читаемыми силуэтами русалок и крылатых коней. Под ней смешные направляющие трубки турникетов без вертушек. И шуршащая листва, разнообразных жёлто-коричневых теней. Я уже почти прошёл через вход, когда услышал женский оклик. Я удивился и обернулся.

Справа, перед аркой стояла будочка, из окошка которой высунулась недовольная физиономия женщины. На голове у неё была ослепительно-жёлтая вязаная шапочка.

– Я вам говорю, – крикнула она. – Почему без билета?

Я вернулся к будке.

– Я думал, он не работает.

– В выходные дни не работает, – всё ещё бурчливым голосом пояснила контролёрша, исчезая из окошка и скрываясь внутри своей конуры. – А в такие – десять рублей. Ходит и ходит.

Я безропотно протянул десятку и потоптался, ожидая билета. Но в будке почему-то следов какой-либо разумной деятельности больше не наблюдалось.

– Иди уже, – услышал я голос, исходящий из окошка, как из подземелья.

Я, чтобы не выглядеть полным идиотом, повиновался и побрёл в Парк. Из этой интермедии можно было сделать только один вывод – что человек, мнящий себя искусным детективом только что купился на откровенную туфту и подарил за здорово живёшь червонец какой-то аферистке. Хорош, нечего сказать!

И это ведь только начало.

Обречённо вздохнув, я проскользнул мимо турникетов и окунулся в аромат осенних деревьев.

Парк встретил меня влажной тишиной.

Глава 7

МАРИЯ

Маша смотрела на бокал-конус на длинной тонкой ножке. Мартини окрашивалось в нём в цвета танцпола. Изумрудно-зелёным, через миг пурпурно-оранжевым, потом слабо-голубым. Красиво.

В голове шумело, но чуть-чуть, по краешку сознания.

Глеб вернулся, показалось, озабоченный чем-то, но как только сел за столик и взглянул на Марию – улыбнулся. Говорить было не очень удобно – музыка гремела оглушающее. Поэтому они больше переглядывались.

Она ему нравилась несомненно. И от этого было немного скучно. Ей, во всяком случае. Представлялась очередная часть пошлого сценария с предсказуемостью. Это было много-много раз. Почти одинаково. И кто вообще мог с этим хоть что-то поделать?

Мария махнула длинными ресницами, наклонилась к спутнику. Почти касаясь губами его уха, сказала:

– Я отлучусь ненадолго...

Он, конечно же, кивнул.

В дамском туалете, перед зеркалом она написала помадой на стекле две буквы «А». Потом провела тыльной стороной ладони по губам, размазывая нарисованные цвета. Красный безобразно смазался вниз и в стороны.

Я похожа на вампиреллу, подумала Маша. И ещё я похожа на стерву. На стерву, с блестящими от слёз глазами.

Она, конечно, взяла в себя в руки и спустя четверть часа беззаботно покачивала ножкой, наблюдая за переливами цветов в бокале-конусе. И сейчас ей было наплевать на многих, потому что если это будет не она – это будет какая-нибудь другая. Что по большому счёту абсолютно без разницы.

Капля Номер Два

– Скажи ещё раз – Ари-и-и-иночка, – просила она, шёпотом в трубку.

Он говорил, раз в пятый, наверное, и было слышно, что он лишь идёт на поводу её каприза. Ей тогда было шестнадцать, и она была толстенькая, прыщавая и некрасивая. А он... Ах, он был в глазах Маши недостижимым блестящим принцем из мечты или из кино. Молодой Бог, спустившийся с райского облака. Она решилась на это, потому что... она не знала сама... просто решилась. Когда впервые увидела его в общей компании, была уверена, что на неё он никогда не обратит внимания. Так и случилось.

А номер его телефона узнала случайно. Прокрутила диск, дурачась, спросила несуществующего Колю. Он, естественно, ответил, что ошиблись номером. Маша уже хотела положить трубку, когда он вдруг сказал: У вас такой красивый голос, девушка... может быть я смогу помочь вам в поисках Коли? Она замерла и... погрузилась в сон наяву.

Она звонила ему ежедневно, называясь именем сестры, делала вид, что ужасно хочет с ним встретиться, но, как назло, что-то в последний момент якобы происходило и встречу приходилось откладывать. Она каждый день слышала это его «Арии-и-иночка» и просила повторять вновь и вновь. Она не могла предстать перед ним такой, как есть. Ведь в телефонных диалогах она была красотка и стерва, даже прекраснее Аринки...

Удивительно, но он терпел этот пустой трёп очень долго – почти месяц. Каждый день она засыпала умиротворённая, в голове звучал его бархатный голос. И представлялись ей невоз-

можные картины наслаждения. Гром неминуемо грянул. Он позвонил в последний раз – в его словах было столько горечи и ненависти, что Маше стало страшно. Он говорил какие-то дикие слова про ложь и предательство, она не помнила точно, она улавливала только общий смысл. Чёрная пелена плыла перед глазами. Ты тот самый страшный бочонок, говорил он потом, которого я видел на той вечеринке, да как ты могла со мной... он, безусловно, выглядел всё это время ослом... но, думала Маша, нельзя же так... я сейчас умру, решила она. Хорошо, что у тебя есть порядочная сестра, которая открыла мне глаза, сказал он...

Что?!?!

Время для Маши остановилось. Её хрустальную сказку цинично разбили с издёвкой иронии судьбы. Арина предала её. Второй раз. Из неподвижного глаза Марии, широко раскрытого скатилась совершенно прозрачная вторая капля.

Глава 8

АНТОН

Парком это, видимо, можно было назвать исключительно благодаря прошлым заслугам. Я шёл по, когда-то, центральной аллее, взбивал ногами горы опавших листьев и слушал молчание. Изогнутые деревья грустно свешивались, нависая по обеим сторонам моей дороги. Убаюкивая и умиротворяя. Парк был пуст. Почти мёртв. Вдалеке, над кронами виднелся огромный круг колеса обозрения. Как своеобразный маяк или памятник. Я зачем-то направился именно на этот ориентир и минут через десять, если ничего не случится, должен был до него дойти. Я искал не пойми что. Я просто шёл по воспоминаниям.

Когда я проходил мимо высокого столба с допотопным громкоговорителем на верхушке, неожиданно налетел сильный порыв ветра, загудел в листе. Но не это удивило меня. А то, что из громкоговорителя гулко, с придыханием вдруг донеслось – «Ти-Хо!». Голос был металлический, идущий словно из могильной утробы. Я остановился от неожиданности, задрал голову вверх. Услышанное мною было нелепым, слово произнесли по слогам, негромко, но очень мощно. Меня нервно передёрнуло, и я затравленно огляделся. Никого.

Я сделал шаг назад и тут же поймал себя на стойком ощущении, что кто-то всё же пристально наблюдает за мной из ближайших кустов. Это было как навязчивый бред. Я боялся посмотреть туда, и, уговаривая себя, что ничего не случилось, принялся пятиться в сторону. Но чужой взгляд не исчезал, он продолжал давить и тогда я, не сдержавшись от обуявшего меня страха, побежал по аллее. Прочь, в направлении Чёртова Колеса, нависающего над Парком нелепым, поставленным на кромку, космическим блюдцем.

Я добежал почти до того места, где дорожка превращается в асфальтовую поляну, на которой покоится это глупое и громоздкое сооружение человеческого гения. Колесо обозрения было монументально и почти неподвижно, лишь самые высокие кабинки чуть раскачивались в такт пробегающему мимо ветру. Мне казалось, что я слышу жалобный скрип старых шарниров.

Я остановился и чуть нагнулся, уткнувшись ладонями в колени, чтобы отдышаться. Сердце в груди бухало молотом. Так я простоял пару минут под несуществующий скрип мёртвого колеса, раздумывая о совпадениях. Не исключено, что я был в этом Парке лет двадцать назад. Возможно, я даже стоял на этом самом месте. И лоток с копейным мороженым так манил к себе, что затмевал свет. И сердце стучало почти также. Я был уже здесь. И у меня был билет, заветная бумажка на райский аттракцион. Индульгенция, которую в этот раз мне зажала жадная тётка в жёлтой шапке.

Возле опорного механизма была замшелая будка карусельщика с прибитой фанерной доской вместо окна. А возле неё располагалось что-то вроде закрытого сверху мангала с небольшой трубой, из которой лениво поднималась струйка белого дыма. Это было забавным – получалось, что кто-то недавно жёг в нём дрова.

У меня очень странный организм, никогда не угадаешь, что он выкинет в следующую минуту. Сейчас на меня внезапно напала сильная дрожь, которая бывает от холода. Я стоял и трясся от антарктического мороза, хотя было +10 по Цельсию. У меня зуб на зуб не попадал. Конечно, я держал в уме, что со мной и раньше было не всё в порядке в плане психосоматического здоровья. Например, при просмотре фильма, где несколько молодчиков остервенело лупят друг дружку, стоило мне посильней сосредоточиться, как у меня начинала идти носом кровь. Лилась потоком, словно это не тому бритоголовому, а именно мне только что прилетела увесистая плюха! Однажды, на концерте оперного певца, я впал в транс и потерял сознание. Было и ещё кое-что, можно перечислять дальше, но, главное, что для меня давно стало

ясным, что я немного необычный. Вернее, мой организм. Да, ещё, я не умел плакать. Последний раз крокодильи слёзы катились у меня из глаз лет в тринадцать. А потом всё – как ни старайся, заплакать не получалось. Видимо, что-то произошло с моими слёзными железами. Короче говоря, когда мы с этим провокатором Карлой перебирали доступные варианты для моего самоубийства, я даже не мог расплакаться от жалости к самому себе.

Размышляя про все эти штуки, я отвлёкся, а в реальность меня вернул неожиданный окрик.

– Эй, на берегу! – услышал я хриплый, но уверенный голос из поднебесья. – Как там погода, не штормит?

Глава 9

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

- Слушаю.
 - Лена? Это Лена? Здравствуйте!
 - Вы кто?
 - Я?.. Неважно. Я Оксана. Антон пропал.
 - И?
 - Я подумала, может, вы...
 - А, я вспомнила, вы та любовница его?
 - Я беспокоюсь просто, его четыре дня нет.
 - Четыре дня... Нет, я не знаю где он. И звонок ваш пустой, ненужный, совершенно бессмысленный. Вам не станет лучше после разговора со мной.
 - Но как же? Вы же понимаете, какой он?
 - Нет, не понимаю. Когда я видела его в последний раз, он был абсолютно таким же, как при нашем знакомстве. Вместо Антона там был чёрный экран. Его мир – параллельные вселенные. Это тяжело для окружающих. Как вас угораздило опять с ним связаться?
 - Так получилось.
 - Вы глупая?
 - Почему?
 - Только очень глупая девушка не может не понимать, что он способен на очень страшные поступки. Он очень, очень, очень опасен!
 - Да что вы такое говорите?
 - Я говорю так, как есть. И если у вас осталась хотя бы капля разума, то прекратите никчёмные поиски и просто порвите с ним навсегда. Как раз подходящий повод.
 - Вы очень жестокая.
 - Нет. Это он жестокий, а вы никак не хотите этого заметить. Бегите от него без оглядки, пока не поздно. Иногда мне кажется, что он вообще не человек.
 - Лена!
 - Я предупреждала, что после разговора со мной вам не станет легче.
 - Он указал в записке какой-то Парк. Не знаете, что это могло бы значить?
 - Парк?! Тот самый?! Ох... Значит, всё ещё хуже, чем я предполагала. Послушайте, вы подвергаетесь очень большой опасности. Это всё очень серьёзно. Уезжайте куда-нибудь. В записке было только про Парк? Не было ничего про Подземелье?
 - Что-что?
 - В записке?
 - Н-нет. Только про Парк.
 - Уезжайте, Оксана, уезжайте немедленно.
 - Но...
- Короткие гудки.

Глава 10

АРИНА

Я думаю на мёртвом языке. Потому что не могу высказать самую суть моих мыслей. Я говорю какую-то шелуху, глупые, незначительные фразы, словно стараясь отвлечь саму себя, убедить в том, что масло не пролито, а иногда в том, что Аня и вовсе его не покупала [2].

А нет ли в зловещей классификации стадии вопросов?

Мне, как атеисту и материалисту совершенно неведомо, как я смогла свернуть на эту самую узкую улочку мироздания? Вдруг, пройдя квартал-другой, меня бы сбила насмерть машина? Что-то тут не так, в этих причинно-следственных построениях. Где-то затаился подвох.

Ведь любая вера по сути – слабость. То, чего мы не можем объяснить разумом, мы пытаемся дорисовать фантазией. Получается дикое полотно: пасторальный натюрморт неожиданно переходит в нагромождение абстрактных фигур, преломляя сознание.

Или вот слова. Комбинации букв. Они выпуклые и колеблющиеся, как желе. Слово «диагноз». Или слово «гемодиализ». Я вижу, как они мутно переливаются, дымчатые и скользкие в свете больничных ламп. Рушится всё, рушится мир, вгоняя временами в такой ступор, что ты начинаешь казаться себе мумией. Деревяшкой.

Всё же. Почему эта улочка? Что заставило меня выбрать именно эту интерпретацию мелочей? Почему я, такая красивая, талантливая, такая... такая... Ведь по мне заплачут, правда? По мне уже плачут – я слышу этот всхлип, искренностью похожий на детский.

Стадия вопросов. Я забыла, есть ли такая?

И как же одиноко. И ничего не сделать, даже если бить лбом в белую, недавно заново побелённую стенку.

Самое обидное, что я не успею рассказать, как это будет.

Я не успела родить ребёнка. Я не понимала тогда, зачем. И я оказалась права – когда это случилось со мной, рядом не было этих мокрых от непонимания и страха глаз. Родных глаз. Моих, таких же, как мои. У Машки они совсем другие – мы с ней совсем разные. В юности она была толстым медвежонком, а я красавицей. Я всегда была красавицей – и в 8 лет, и в 16 и сейчас. Ну, не совсем сейчас, чуть раньше. До приговора. Сейчас я уже ничто. Пустой скафандр. Вот тогда, в юности мы с Машкой и расстались. Она никак не могла мне простить красоты. Ей казалось, мои поступки чудовищны. Ей казалось, что я хочу отобрать у неё последнее. Надежду. Но это не так. Я лучше разбиралась в жизни и желала ей добра. Правда. И я никого не убивала. А Маша убила. Зарождающееся, новое сознание. Это можно интерпретировать как угодно, но нельзя отгородиться от факта. А если это был ребёнок Антона? Если бы я успела тогда предотвратить её роковой шаг! Но мы уже были врагами. Вернее, она считала меня врагом.

Намного сложнее искренне рассмешить человека, чем заставить его плакать.

Мне проще.

И ещё, только никому-никому не говорите. Я... Мне иногда кажется, что я это не я. Тихо! Никому, слышите. Я на самом деле другой человек! И я сейчас не только лежу, прикованная к больничной койке, но и иду куда-то. В это очень сложно поверить, но это так. Я другой человек. Я иду куда-то под землёй. И я... Я не женщина!

Больно...

Мама! Мамочка!

Ааа-а-а!

Глава 11

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

– Вставай, выходи! – конвоир, громко гремя ключами, только что распахнул дверь камеры СИЗО. Подозреваемый встал с нар, мельком, отчаянно, глянул на зарешечённое окно.

Он мог бы думать о многом в эти долгие часы ожидания, но думать не хотелось. Из-за жара в конечностях. Из-за выворачивающего душу стремления прекратить эту боль. Любой ценой. И ещё эта девушка со стеклянным взором, лежащая навзничь не давала его желаниям ни единого шанса. Мёртвая девушка. Он всегда думал, что Смерти нет. Но эта девушка опровергла эту незыблемую, казалось, истину.

Подозреваемый вышел в коридор.

– К стене! Руки за голову!

Выкрики конвоира сместили его. Нельзя запереть душу. Он в миллиардный раз удостоверился в правильности своего поступка. Единственно значимого в его совершенно никчёмной и бесполезной жизни. Он ещё не решил, насколько важным является то, что, всё было напрасным, и что ему так и не удалось ей помочь. Быть может для других, то, что он сделал, покажется нелепым – ему было плевать. Он не собирался оправдываться и что-то объяснять. Это ещё глупее чем то, что он сделал.

Охранник закрыл дверь и хотел выкрикнуть следующую команду.

Молчи. Не говори ни слова.

Он не сможет ничего сказать сейчас, подумал Подозреваемый. Я не дам ему ничего сказать. Его голос мне отвратителен.

И сразу перед мысленным взором достаточно чётко возник Тот Самый Человек. Забавно, Подозреваемый различал даже пуговики на манжетах рукавов этого человека, но не мог разобрать его лица. Оно было словно заштриховано карандашом на рисунке. Как долго он знал этого человека? Сто лет или может быть пятнадцать минут? Те самые пятнадцать минут, когда почти всё стало ясно. Тот Самый Человек объяснил суть. После этого поступить по-другому не представлялось возможным. И платой за выполнение предначертания оказалась эта самая сила. Её было отчаянно мало, Подозреваемый мысленно словно перекладывал нечто из руки в руку, как перекладывают горячий пульсирующий шар, чтобы не обжечься. Силы осталось очень мало, но её должно было хватить на задуманное.

Подозреваемый напрягся, но лицо Того Человека продолжало быть скрытым. Только серые мазки штрихов. Зато он помнил, как Тот Самый Человек уходил. Как удалялась его спина, а Подозреваемый смотрел вслед и не мог шевельнуть ни одним мускулом. И как потом разом накрыло пронзительным откровением.

Подозреваемый раскрыл ладони и выпустил горячий шар наружу. Тот упал на бетонный пол, отскочил и покатился по коридору. Слышно было, как он пересчитывает ступеньки невидимой лестницы. Стук-стук-стук.

Конвоир стоял за спиной Подозреваемого бессильно опустив руки. Фигура его обмякла, мундир повис, как на манекене. В мутных зрачках, устремлённых в никуда, застыло бездумное коровье выражение.

Во всём этом есть какая-то дикая ирония, подумал Подозреваемый. Немного жаль только, что время пришло так неожиданно, хотя к этому никто и никогда не бывает готов.

Ему почему-то представилась небольшая речка, весёлая и прозрачная. Бегущая белыми бурунами брызг между блестящих камней. И листья ивы, как маленькие лодки, уносящиеся в неведомое.

Подними правую руку к кобуре.

Подозреваемый взглянул вбок, вдоль жутко бледно-жёлтой стены – неровной и унылой. Что ж, какая собственно разница где. Главное – когда. Главное – вовремя. Во время.

Он не оглядывался, он знал, что всё идёт так, как надо.

Расстегни кобуру и достань пистолет.

Часто в размеренности происходящего мы не улавливаем нить жизни, думал Подозреваемый. Мы бредём в толпе таких же животных, выполняем безусловные инстинкты автоматически, ради тока крови и сомнительных удовольствий. И если не происходит события, которое способно поменять мир полюсами, так и падаем молча в пропасть.

Приставь пистолет дулом к моему затылку.

Я знал Арину 7 месяцев, а Того Самого Человека 15 минут. Но, и то, и другое, оказалось достаточным. Вот так пронеслась жизнь. До Смерти, которой не существовало бы в природе, если бы не та девушка.

Нажми на спуск.

Оглушительный грохот выстрела наполнил коридор изолятора болезненным эхом. Подозреваемый, как куль упал у стены. Вместо его лица было кровавое месиво. Конвоир с непередаваемым ужасом уставился на свою руку с пистолетом. Некоторое время он был недвижим, как статуя. Потом судорожно отбросил оружие, закричал и побежал по коридору.

Глава 12

АНТОН

Я машинально посмотрел вверх, на голос. В третьей по счёту от земли кабинке находился некий малоухоженный субъект. Он перегнулся через ограждение, отчего кабинка чёртового колеса накренилась и стала медленно раскачиваться.

– Нормальная погода, – ответил я первое, что пришло на ум. – А почему на берегу?

Субъект не отвечал, только рассматривал меня своими маленькими масляными глазками. Нет, это был не старик, как я подумал вначале, на вид ему можно было дать лет сорок. Он был небрит и, мягко говоря, несколько помят. Его штормовка, накинутая поверх грязной тельняшки, только усугубляла это впечатление.

– Вы тут на днях женщину молодую не видели? – спросил я, довольно неуклюже исполняя роль детектива. – Не проходила?

Субъект произвёл какое-то действие внутри кабинки, отчего огромный обод колеса сдвинулся с места и с трогательным тихим скрипом поплыл мимо. Кабинка вместе с пассажиром стала неумолимо ко мне приближаться.

Затормозив у самой нижней отметки, мужичок приглашающее помахал мне рукой. Я, пригнувшись, шагнул в закачавшуюся от моего веса конструкцию и осторожно сел напротив этого маленького человека.

– Я для того здесь и поставлен, чтобы всё видеть, – сказал мужичок. – Сверху много чего рассмотреть можно. С высоты птичьего полёта, так сказать.

– Видели? – я даже как-то растерялся от неожиданности успеха.

– Давай прокатимся, – сказал мужичок. Он произвёл какое-то действие под полой своей штормовки, и колесо мягко двинулось, унося нас в сторону и вверх. – Анатолий, – представился он.

– Вы тут живёте? – спросил я для приличия в затянувшуюся паузу.

– Я тут поставлен, – Анатолий смотрел в сторону. Как-то сосредоточенно даже.

– Не скучно?

– Что есть скука? – он укоризненно покачал головой. – Скука – это одиночество. Мы привыкли полагать, что одиночество в том, если ты один. А ведь это не совсем так. Люди имеют семью, близких, бесконечные хлопоты и встречи, но, по сути, могут быть совсем одинокими среди миллиардной толпы! Одиночество души гораздо страшнее физического одиночества. Отшельник, сошедший с ума от суеты мегаполисов, и потому сидящий в избушке посреди ста квадратных километров тайги – он разве одинок? Ему достаточно взять старенькую гитару и тихонько ущипнуть струны. То взлёт, то посадка, то снег, то дожди. Чувствуешь? Какое же это одиночество? Мы все здесь пропитаны аутизмом. Мы эгоисты. Нам нужен собеседник для того, чтобы высказаться, а не для того чтобы выслушать.

– Эммм... – я был, признаться, немного обескуражен таким спичем.

– Я ужасно боялся высоты, – продолжал Анатолий, – Панически боялся. И я стал тренироваться. Я начал со второго этажа. Я смотрел вниз на такую близкую землю и представлял, как я могу прыгнуть на неё. Через две недели я стоял на пятом этаже, на балконе, склонив через перила голову, и представлял уже другое – как меня расплющивает от удара. Ещё через месяц я мог смотреть вниз с 11 этажа. Меня подташнивало, и сердце бухало молотом, но я мог смотреть. Я тренировался каждый день. И вот теперь я карусельщик чёртова колеса. Вот это, я понимаю, ирония жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.